

В. В. Попов

**ВЗГЛЯД НА ПРАВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕМИОТИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА:
ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВЕННОСТИ ПРАВОВОГО СМЫСЛА**

Современные идеи единственности и объективности смысла текста правовой нормы имеют прочные корни политико-прагматического характера, восходящие ко времени Великой французской революции. Сегодня данные идеи широко распространены как в юридической науке, так и практике. Но предлагаемые способы ограничения свободы выявления более чем одного смысла текста юридической нормы выглядят скорее желаемым, но не действительным положением вещей. Говорить о существовании целей, намерений, воли создателя нормы права допустимо. Однако процедура определения целей, намерений, воли создателя нормы права содержит в себе большое количество потенциальных проблем, не позволяющих выявить единственность и объективность смысла языка права. Автор разделяет пожелание о единственности смысла, однако, следуя различию желательного и действительного, не считает возможным согласиться с тем, что единственность смысла языка права имеет место в наличной реальности. В настоящий момент не существует такого метода толкования права, который бы позволил установить единственность смысла объектного языка права.

Ключевые слова: система права, система законодательства, знак права, значение права, смысл права, референт права, десигнат права, денотат права, форма права, содержание права, язык права, референт объектного языка права, объектный язык права.

V. V. Popov

**VIEW ON THE RIGHT THROUGH THE PRISM OF A SEMIOTIC TRIANGLE:
THE PROBLEM OF THE UNIQUENESS OF LEGAL MEANING**

Modern ideas of the uniqueness and objectivity of the meaning of the text of the legal norm have firm roots of a politico-pragmatic nature, dating back to the time of the Great French Revolution. Today, these ideas are widely used both in legal science and in practice. But the proposed ways to limit the freedom to identify more than one meaning of the text of a legal norm look more like a desired, but not a valid state of things. To speak about the existence of goals, intentions, and will of the creator of the rule of law is permissible. However, the procedure for determining goals, intentions, and will of the creator of the rule of law contains a large number of potential problems that do not allow us to identify the uniqueness and objectivity of the meaning of the language of law. The author shares the desire for the uniqueness of meaning, however, following the distinction between the desirable and the real, does not consider it possible to agree that the uniqueness of the meaning of the language of law takes place in actual reality. At the moment there is no such method of interpretation of law that would allow to establish the uniqueness of the meaning of the object language of law.

Key words: the system of law, the system of legislation, the sign of law, the meaning of law, the meaning of law, the referent of law, the designatum of law, the denotat of law, the form of law, the contents of law, the language of law, the object language of law, the object language of law.

Ранее нами обосновывалось, что законодательство, понимаемое, как минимум, в виде совокупности нормативных правовых актов, а как максимум, в виде всех форм права, выражает формальную определенность права. Используя подобие семиотического треугольника, законодательство можно назвать знаком, т. е. экспонентом права. Конечно, следует понимать, что в реальности речь идет о совокупности знаков как подмножества знаковой системы — определенного естественного языка (русского, французского, английского и т. д.). Этот экспонент

(знак) права и отражает такой признак права, как формальная определенность [1].

Относительно следующей вершины семиотического треугольника (адаптированного к нашему пониманию соотношения права и законодательства), которая имеет самые разнообразные наименования: «смысл», «образ», «понятие», «концепт», «сигнификат», «десигнат», — заметим, что лишь термины «сигнификат» и «десигнат» однозначны и относятся к отражению в сознании предмета, качества или процесса (реальной действительности) как содержания знака права (языковой единицы).

Отметим также, что в юридическом контексте более уместна не логическая, а лингвистическая трактовка смысла (в духе Дж. Л. Остина, Д. Вундерлиха, Дж. Серля и др.), если мы учтем тот факт, что нормы права не могут быть истинными или ложными и к ним не применимы критерии осмысленности в русле концепции Г. Фреге и его последователей. В общем и целом лингвистическая трактовка смысла понимается как производное от условий речевого общения.

Смыслом знака (экспонента) права, т. е. его сигнификатом, десигнатом, является предписание. Можно сказать, что смыслом законодательства является (правовое) предписание, своеобразным вместилищем, территорией подобных смыслов — правосознание.

Однако здесь нельзя обойти вниманием вопрос о количестве смыслов, т. е. об однозначности понимания правовых предписаний, о вариативности интерпретации права. Данный вопрос в юридической теории и практике принято решать различным образом.

Г. Кельзен, давая общую характеристику этим подходам, отметил [цит. по 2, с. 191], что один подход полагает толкование права функцией познания, которое может быть истинным или ложным, что предполагает единственность смысла законодательных положений. Второй же — основан на идее о толковании права как функции воли, что допускает множественность смыслов.

Принимая во внимание данное различие, отметим довольно тонкое и точное замечание М. Тропера о том, что на самом деле нет противоречия между двумя тезисами:

- 1) толкование есть акт волеизъявления;
- 2) судебная практика основана на *веровании* в то, что толкование есть акт познания [2, с. 196].

Рассмотрим некоторые особенности юридической практики в данной сфере.

Наглядным законодательным примером, выражающим идеи единственности смысла, является ч. 1 ст. 9 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ, где установлено, что Верховный Суд РФ изучает, обобщает судебную практику и в целях обеспечения ее единства дает судам общей юрисдикции разъяснения по вопросам применения законодательства Российской Федерации.

В целом ряде постановлений Конституционного Суда РФ говорится, что равенство может быть обеспечено лишь при условии ясности, недвусмысленности нормы, единообразного ее понимания и применения всеми правоприменителями; неопределенность

правовой нормы ведет к ее неоднозначному пониманию и, следовательно, к возможности ее произвольного применения, а значит, к нарушению указанного принципа (Постановления Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П, от 11 ноября 2003 г. № 16-П, от 21 января 2010 г. № 1-П и от 13 июля 2010 г. № 16-П). Можно привести много иных примеров. Это неслучайно, если учесть, что в научной литературе однообразное толкование правовых норм и, соответственно, единообразное решение схожих юридических дел давно признаются одними из важнейших направлений реализации принципа социальной справедливости [3, с. 156; 4, с. 86—88; 5, с. 160] и даже императивом либеральной демократии [6, с. 164].

Вместе с тем юридическая практика изобилует примерами различной интерпретации одних и тех же норм. Приведем лишь некоторые из них в сфере деятельности высших органов судебной власти. В частности, в соответствии с Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 4 июля 2012 г. отозвано разъяснение по вопросу № 29 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2006 г.

Ярким примером является изменение правовых позиций Конституционного Суда РФ. Как отмечает его председатель В. Д. Зорькин, «изменение жизненных реалий может приводить и к отступлению от ранее сформулированных правовых позиций, поскольку Конституционный Суд, применяя и истолковывая Конституцию, выявляет не только „букву“, но и „дух“ тех или иных ее положений на каждом новом этапе развития и тем самым приспособляет ее к меняющимся отношениям в обществе („живое право“, „живая“ Конституция)» [7]. Важно отметить, что подобная вариативность толкования (фактически — допущение множественности смыслов) закреплена на нормативно-правовом уровне, в частности, в ст. 73 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и § 40 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации. Добавим, что такой механизм не только существует в российском праве, но и закреплён в Законе о Федеральном Конституционном Суде Германии и § 48 его Регламента.

Иными словами, при внимательном рассмотрении даже на законодательном уровне видна некая двойственность, когда признается, с одной стороны, обязательность единства толкования норм права (единственность их смысла), а с другой — допустимость множественности подобных смыслов.

Если смотреть на юридическую науку, можно отметить следующее.

Научное обоснование единственности смысла права является не менее давним, чем его законодательное признание. О политических истоках идеи единственности смысла права начали активно говорить в первой половине XVIII в. Можно согласиться с мнением М. Тропера в том, что это было связано с Великой французской революцией, когда в Европе закон был провозглашен выражением общей воли, запрещающей творческое толкование права [8, с. 187]. Об этом и заявил Монтескье, назвав судей лишь устами, произносящими слова закона [9, с. 145].

Определенным развитием хода мысли Ш. Л. Монтескье об «устах закона» можно считать поиск единственно верного, объективного смысла через, например, волю законодателя [10, с. 66], в том числе «подлинную» [11] и т. п.

Особое внимание следует обратить на цели законодателя. Еще Р. Фон Йеринг принципиально указывал, что цель создателя нормы не нуждается в связи с целью адресата нормы [12, с. 154]. Выяснение целей законодателя обычно связывают с телеологическим толкованием права, неоднозначно воспринимаемым не только в отечественной юридической науке. Частично разделяя доводы обеих дискутирующих сторон, выскажем следующие соображения.

Поскольку любое управление (по определению) целенаправленно, а право — это, безусловно, элемент социального управления, то и создание нормы права столь же безусловно целенаправленно. Таким образом, говорить о телеономной (телеономической) детерминации смысла вполне возможно.

Однако общество как объект социального управления представляет собой многокомпонентную систему, суперсистему, состоящую из множества подсистем, сформированных субъектами, способными к постановке собственных целей, что само по себе актуализирует не столько проблему согласования равнопорядковых целей, сколько проблему иерархии целей управления. В связи с этим любопытна этимология древнегреческого термина «телеос» (τέλειος) — «заключительный, совершенный», что изначально относилось к божественному замыслу о предназначении сотворенного мира.

Общая начальная постановка этой проблемы выдвигает вопросы: власть либо авторитарна, либо следует искать ее источник вне самой государственной власти?

Соответственно, поскольку идея о народе как об источнике власти нередко воспринимается

представителями органов государственной власти лишь как декларация, то нельзя уйти от потенциальной проблемы изначальной дихотомии целей управления, когда существуют:

1) цели народа, полагающего себя субъектом управления, а власть — лишь «слугами народа»;

2) цели власти, считающей народ лишь «слугами власти» и относящей его всецело к объектам управления.

Как показывает социальный опыт, данные цели иногда драматически расходятся. Ситуация усугубляется не только тем, что чиновники могут воспринимать себя как «элиты милостью божьей» (ратуя в XXI в. за возвращение крепостного права), а свою власть, говоря словами А. Тойнби, как «небесную свободу чад Божиих». Серьезным фактором является еще и то, что цели субъекта управления на внутригосударственном уровне могут быть иерархически вложены в цели субъекта управления на надгосударственном уровне (в частности, как в государствах — членах Евросоюза), что может иметь форму, например, так называемой гармонизации национального законодательства. Впрочем, иногда иерархическую подчиненность целей внутригосударственного управления надгосударственному выражают менее благопристойно. З. Бжезинский ставил вопрос: «Какой должна быть Россия, чтобы соответствовать интересам Америки» [13, с. 64].

В связи с этим, на наш взгляд, выполнение рекомендации Высшего Арбитражного Суда РФ учитывать «не только буквальное значение содержащихся в ней слов и выражений, но и те цели, которые преследовал законодатель, устанавливая данное правило» (Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»), требует получить четкие ответы на очень непростые вопросы.

Прежде всего, это вопрос — о чем намерении идет речь, если принимать во внимание, например, то, что законодательный корпус не является гомогенной системой, собранием дисциплинированных единомышленников, когда каждый из них не мыслит себя вне единого целого ему подобных. Иначе говоря, о какой части, например, парламента идет речь? А если вообще нельзя говорить о каком-либо реальном единомыслии, а лишь о намерениях каждого члена парламента в отдельности? Следует ли принимать в расчет намерения субъекта законодательной инициативы и непосредственного исполнителя, подготовившего текст нормативного правового акта? В частности, лорд Саймон указывает, что это было бы «...достаточно разумно, тем более что создатель законопроекта знает о

намерениях субъекта законодательной инициативы...» [14, с. 64]. Максимум, о чем можно говорить в этом случае, так это: (а) об усмотрении при выборе субъекта, намерения которого будут учитываться, и (б) при проявлении большей «изобретательности» — о «расчете» намерений законодателя, если, например, законодательный корпус *был бы* гомогенной системой.

Следующий вопрос о времени существования намерения, если социальная среда предполагает изменение его логики. Идет ли речь о намерениях, актуальных в период издания нормы права или же эти намерения изменились ко времени применения данной нормы? Здесь можно говорить лишь об *усмотрении при выборе времени*, в котором существуют намерения. А если мы выбираем цели издания нормы, соответствующие времени ее применения, то, думается, в ситуации отсутствия в это время аутентичного толкования мы можем лишь, более или менее точно, *предполагать* каковы *были бы* цели законодателя именно в данный период, основываясь на издаваемых законодателем нормах или иной информации (ставшей *доступной* для восприятия правоприменителя). Если же субъект, чьи намерения мы пытаемся определить, умер?

В любом случае выявление целей следовало бы отнести к усмотрению правоприменителя. Но из наличия такого усмотрения следует невозможность вывода о единственности смысла законодательного положения, если попытаться устранить альтернативу (множественность подобных смыслов) целями законодателя.

Далее возникает вопрос о намерениях, целях субъекта правотворчества по отношению к *чему* именно?... Представляется возможным вести речь, в частности, о следующих целях, которые вполне могут быть *не связанными друг с другом*:

- создать норму для регулирования некоторых общественных отношений определенным образом;

- публично выразить в некоторой политической ситуации свое мнение (например, перед своим электоратом);

- улучшить свое финансовое положение (например, получить взятку);

- реализовать иную цель, например, прекратить оказываемое на него давление и т. д., вовсе не интересуясь социальным результатом, получаемым при регулировании изданной правовой нормой соответствующих общественных отношений.

Подобный список можно продолжить. Конечно, данные намерения могут существовать и в иерархическом сочетании. В этом случае возникает вопрос о доминирующей мотивации.

Таким образом, речь может идти, во-первых, об усмотрении при выборе того, в отношении чего существует намерение законодателя; во-вторых,

об усмотрении «в рамках» того или иного намерения. В частности, если речь идет о намерениях законодателя по отношению к целям, то установить, какую именно цель, а если о группе целей, то после идентификации каждой определить, какова их иерархия в последовательности и степени достижения; в-третьих, если правоприменитель принимает во внимание существование, так сказать, группы намерений, то необходимо признать за ним усмотрение по поводу характера сочетаний этих намерений.

Кроме того, мы можем говорить и о разнообразии способов получения информации о намерениях субъекта правотворчества. А раз так, то нельзя избежать вопроса об усмотрении в процессе (а) выбора средств и способов получения нужной информации, (б) оценки относимости и допустимости, а также (в) оценки доказанности истинности полученной информации. Иначе говоря, в рамках учета целей субъекта правотворчества от правоприменителя требуется проведение своего рода расследования о намерениях субъекта правотворчества, которые умышленно или неумышленно «спрятаны» за текстом правовых норм. В связи с этим хочется отметить такой любопытный факт, что, казалось бы, самые положительные устремления правоприменителя, достаточно ярко выраженные (например, судьей Деннингом, заявившим: «...мы не для того находимся здесь, чтобы разорвать на куски язык Парламента и министров, сделав из него бессмыслицу. Это легко сделать и это как раз то, что многие юристы слишком часто стремятся делать. Но мы находимся здесь для того, чтобы установить намерения Парламента и министров и реализовать его...» [15]), иногда не находят отклика у представителей законодательного корпуса. В частности, данный подход был отвергнут как в конкретном случае (Палатой лордов в рамках рассмотрения указанного юридического дела), так и в целом: член верхней палаты британского парламента лорд Скарман официально высказывался о том, что судам не следует пытаться определять намерения законодателя при толковании и применении законов [16].

Сказанное вовсе не означает, что цель в праве невозможна. Напротив, право телеономично. Приведенные примеры лишь демонстрируют процедурные проблемы установления целей создания норм права, причем для того, чтобы указать на проблематичность устранимости неединственности смысла правовых предписаний (десигнатов права).

Таким образом, авторы, стремящиеся обосновать единственность смысла, исходят из столь же верного сколь и проблемного тезиса о единственности истины, а потому скорее описывают не более чем желаемое положение вещей.

Методологической ошибкой здесь является смешение, говоря словами М. Вебера, нормативного и казуального подходов в науке, что, по сути, редуцируется к информации о сущем и должном (желаемом, идеальном). В частности, мы разделяем пожелание о единственности смысла, однако, следуя различению желательного и действительного, не считаем возможным согласиться с тем, что единственность смысла имеет место быть в наличной реальности.

Что касается позиции Р. Дворкина [3; 17] и его последователей [18], то здесь ситуация сложнее. Особенностью данного подхода является различение правильных (right) и истинных (true) вариантов толкования права (в нашей терминологии — смыслов или десигнатов права).

Верной представляется мысль о том, что наилучший (т. е. самый правильный) «правовой ответ» на конкретную жизненную ситуацию логически вытекает из наилучшего толкования юридической нормы, соотнесенной с данной ситуацией. Не менее верно предположение о том, что нечто наилучшее (в превосходной степени) всегда является единственным. Иными словами, правильным (наилучшим) может быть лишь один правовой ответ, а значит, лишь один вариант толкования. Это автоматически ведет нас к признанию единственности смысла, т. е. единственности варианта толкования любой правовой нормы.

Важно подчеркнуть, что единственный смысл (десигнат) права будет действительно являться наилучшим смыслом. Однако такая характеристика смысла, как «наилучший», прямо указывает на аксиологические критерии выбора подобного единственного смысла. Здесь проблема состоит в том, что любая аксиологическая оценка по своей природе исключительно субъективна, что нашло отражение и в структуре данной оценки (субъект, объект, содержание, критерии). Из этого следует вывод: количество *даже наилучших* оценок равно количеству субъектов, дающих эту оценку, поскольку наилучшая оценка единственна, но лишь применительно к своему субъекту.

Вместе с тем сказанное не означает, что все эти оценки реально будут разнообразны. Они разнообразны, *как минимум, потенциально*. То есть варианты интерпретации (смыслы, десигнаты) права многообразны, *как минимум, потенциально*. Подобная вероятность указывает и на возможность такой ситуации, когда характер оценки одного и того же объекта окажется одинаковым в силу одинаковости толкования критериев такой оценки различными субъектами. В этом случае мы можем говорить об intersубъектности оценок.

Если же говорить о десигнате (смысле) права вне intersубъектной аксиологической единственности, то более соответствует реальности (существующей правовой

действительности) идея фактической множественности смыслов.

Резюмируя проблемность приведенных аргументов относительно единственности правового смысла, можно с некоторой долей сожаления и, по крайней мере в настоящий момент, согласиться со словами Г. Кельзена о том, что не существует такого метода толкования права, который бы позволил установить единственность смысла (объектного языка) права [19, с. 205]. Поэтому более точной, в силу особенностей юридической практики сегодняшнего дня, представляется идея множественности правовых смыслов.

Список библиографических ссылок

1. Попов В. В. Соотношение права и законодательства: предпосылки рассмотрения через призму семиотического треугольника // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2.
 2. Тропер М. Свобода толкования у конституционного судьи // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.
 3. Hart H. L. A. The Concept of Law. Oxford, 1994.
 4. Dworkin R. Taking rights seriously. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1977. Pp. XV, 293.
 5. Galligan D. J. Discretionary Powers. A Legal Study of Official Discretion. Oxford, 1986.
 6. Lustgarten L. The Governance of Police. London, 1986.
 7. Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 8. Тропер М. Право и его интерпретации // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.
 9. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999.
 10. Пиголкин А. С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1998.
 11. Гук П. А. Судебное толкование норм права // Журнал российского права. 2016. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 12. Байтеева М. В. Современное правопонимание: концептуальные подходы // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.
 13. Ealing London Borough Council v Race Relation Board (1972) AC 342 at 360.
 14. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2000.
 15. Magor and St Mellons RDS v Newport Corporation (1952) AC 189.
 16. 418 HL Official Report (5th Series) col 65 (9 March 1981).
 17. Dworkin R., Law's Empire. Cambridge, Massachusetts / London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 1986. XIV. 471 p.
 18. Brink D. O. Legal Interpretation, Objectivity, and Morality // Objectivity in Law and Morals, edited by Brian Leiter. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 354 p.
 19. Тропер М. Кельзен, теория толкования и структура правового порядка // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.
- © Попов В. В., 2017